

«Еженедельное обозрение» 1889, т. X, № 299, 29 октября

(Прилож. к газ. «День»)

701

1889. — ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. — № 299.

702

Барышни остались дожидаться, а мы с женою, чтобы не терять времени, пошли к Никитиным, жившим на второмъ дворѣ. Проходя первый, мы замѣтили у освѣщенныхъ изнутри оконъ нижняго этажа кучку любопытныхъ.

— Ишь, что дѣлаютъ! Ахъ, вы, такіе-сякіе!..

Подшли и мы.

Сквозь незавѣшанные окна намъ представилась слѣдующая живая картина. Трое мальчиковъ булочниковъ готовили пирожное. На столѣ, передъ ними, большая миска съ вареньемъ и на желѣзныхъ листахъ пирожное. Каждый изъ работавшихъ бралъ штучку пирожного двумя пальцами, окуналъ верхней стороною въ миску съ вареньемъ и, поднявши, называлъ языкомъ стекающее кружкомъ съ пирожного варенье. Слѣшишь, работали быстро.

Съ женою чуть не дурно.

— Какая гадость! Никогда въ жизни не стану ѣсть покупного пирожного съ вареньемъ! Ты иди одинъ, я къ нашимъ предупредить..

Вечеромъ у насъ — Никитины и еще двое сослуживцевъ съ женами. Одна изъ этихъ послѣднихъ завела канитель о Джэкѣ, но моя умница такъ ловко обрѣзала болтушку, что та прикусила язычекъ.

Періодъ моего еженедѣльнаго отъѣзда закончился выигрышемъ двухъ рублей въ винтъ, а такъ какъ по чету жены пріемъ гостей и «легкая закуска» стоили 1 р. 80 к., то «мы не въ убыткѣ».

— Какъ это хорошо считать и давать себѣ отчетъ во всякой истинной копѣйкѣ! — повторяла моя

Полли, отдавая мнѣ, по уходѣ гостей, «чистый» двугривенный. — Хотя проживать надо всегда меньше, чѣмъ наживаешь, но какъ бы я была рада, если бы ты бросилъ эти противныя карты: мнѣ такъ жалъ тѣхъ, кто проигрываетъ.

В. К.

ЖУРНАЛЬНЫЯ НОВИНКИ.

Въ ноябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» помѣщенъ разсказъ А. Чехова. «Скучная исторія». Это иллюстрація къ исторіи развитія русскаго пессимизма. Въ драмѣ «Ивановъ» того же автора охарактеризовано то же явленіе, встрѣчающееся въ массѣ, но безъ нагляднаго объясненія и указанія причинъ его порождающихъ. Въ «Скучной исторіи» Чеховъ уже не ограничивается однимъ констатированіемъ факта, а дѣлаетъ попытку объяснить существованіе столь ненормальнаго явленія въ обществѣ. Какъ на одно изъ условій, способствующихъ данному настроенію, онъ указываетъ на охлажденіе къ наукѣ современной молодежи, которая посѣщаетъ университеты съ единственною цѣлію — заолученія необходимой бумаженки — диплома. Такое отношеніе къ наукѣ сдуло горизонты и понизило интересы лучшей части общества, распространившись даже на профессорскую среду. Въ послѣдней отживаютъ свой вѣкъ лучшія прежнія традиціи, а истинные двигатели и столпы науки (люди 40-хъ и 50-хъ годовъ) мало по малу уступаютъ свое мѣсто современнымъ посредственностямъ, не идущимъ далѣе

рабскаго поклоненія «нѣмцамъ», за неумѣніемъ «выдумать своего собственнаго пороха».

Дальнѣйшія причины кроются въ семьѣ, члены которой стали жить разобщенной эгоистической жизнью, игнорируя общіе интересы. Изъ семьи тѣ же чувства перешли на взаимныя отношенія людей, что подтачиваетъ въ корнѣ любовь, дружбу и симпатію, создавая атмосферу мертваго холода, въ которомъ гибнутъ лучшія душевныя силы.

Разсказъ веденъ отъ лица стараго профессора, стяжавшаго себѣ въ области медицины европейскую извѣстность.

Эта форма довольно неудобная и скучная, но авторъ нѣсколько оживилъ ее, придавъ мѣстами разсказу юмористическій оттѣнокъ, какъ это мы, напр., видимъ въ жалобѣ профессора на деспотизмъ семьи, выразившійся въ слѣдующемъ: когда ученый былъ еще совѣтъ маленькимъ человѣчкомъ, простымъ врачомъ, не пользовавшимся никакой извѣстностью, то ѣлъ вкусныя блюда: леца съ кашей, борщъ, щи и пр. За столомъ ему служила веселая и болтливая горничная, Агаша. Теперь же, когда онъ добился высокаго общественаго положенія и авторитета въ наукѣ, — его лишили вкусныхъ блюдъ, вставивъ ѣсть, словно въ наказаніе — разные супы пюре, въ которыхъ плаваютъ какія-то бѣлыя сосульки. Также лишили его и симпатичной Агаши, взаменъ которой

дали надменнаго и тупого лакея — Егора.

Женѣ профессора до учености мужа — очень мало дѣла. Она помнитъ только одно. — что онъ статскій генералъ, и поэтому, чтобы не уронить его достоинства, ведетъ домъ на широкую ногу. Кромѣ того, приходится платить за дочь въ консерваторію и помогать сыну-офицеру. Всѣ эти расходы превышаютъ средства старика и онъ поневолѣ запутывается въ долгахъ, запустивъ жалованье лакею за цѣлые полгода. Подобныя обстоятельства дѣйствуютъ на него удручающимъ образомъ, онъ замыкается въ себѣ и смотритъ сквозь пальцы на любовь дочери къ какому-то авантюристу, съ которымъ она и вѣнчается тайно при первой попыткѣ матери навести серьезныя справки о достаткахъ жениха.

Единственнымъ беззавѣтнымъ другомъ профессора была его воспитанница — Катя, но ту онъ самъ оттолкнулъ отъ себя индифферентизмомъ и холодностію въ критическую минуту ея жизни.

Таковы, по мнѣнію автора, причины, заражающія пессимизмомъ даже лучшихъ, передовыхъ людей науки, которыхъ не спасаетъ отъ этого яда ни высокое общественное положеніе, ни обаяніе извѣстности.

А — 5.

Издатель А. А. Гриве.

Редакторъ И. В. Сиворцовъ.

Дозв. цензурою. Спб., 18 Ноября 1889 г.

Тип. Ѡ Елѣонскаго и К^о. Невскій, № 134.